

Copyright © 2015 by Sochi State University

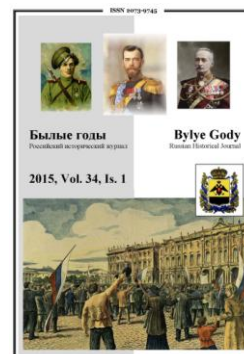
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 159-166, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94«1914/1918»

Research and protection of natural resources of the Southern Russia during the First World War

Anna N. Eremeeva

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Southern branch,
Russian Federation
Dr. (History), Professor

Abstract

This article is provided the historical analysis of the main directions in the research and protection of natural resources of the Southern Russia in the conditions of the First World War. It is based on the materials from the funds of central and regional archives, periodical publications, and little-known scientific and scientific-popular works of 1914-1917. Author deals with the old, ongoing projects as well as the new ones which were the response to the challenges of war. The activities of state and public structures in "mobilization" of science are elucidated. The close connection of many research initiatives and development of recreational area in the South of Russia is shown.

Keywords: First World War; South of Russia; research of natural resources; "mobilization" of science; the nature conservancy

Введение

Важной составляющей политики Российской империи в годы Первой мировой войны был курс на мобилизацию собственных ресурсов, преодоление зависимости от прежних зарубежных партнеров, среди которых ведущее место занимала Германия. Реализация данного курса в экстремальных условиях проходила ускоренными темпами, путем координации усилий сплоченных патриотическим порывом экспертов официальных структур, научных, образовательных организаций, всего населения.

Большой исследовательский интерес представляет опыт организации и решения задач в области эффективного использования природных ресурсов Юга России в годы Первой мировой войны. Ранее он анализировался в связи с воссозданием истории Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) [1], биографий видных российских ученых – академиком В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана, И.М. Губкина, И.П. Бородина и др. В фундаментальном издании «Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны» (СПб., 2007) рассмотрены некоторые направления в изучении природных ресурсов, изменения в тематике естественнонаучных исследований, обусловленные «мобилизацией интеллекта». Проблемы природопользования в большей или меньшей степени затрагивались авторами работ по истории курортного дела, отдельных курортных местностей [2].

В фокусе внимания данной статьи – основные направления исследования и охраны природных богатств Юга России в условиях Первой мировой войны.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает делопроизводственную документацию государственных, научных, образовательных учреждений, общественных организаций, официальную и частную переписку, периодические издания, научные и научно-популярные труды 1914–1917 гг. Многие документы из центральных и региональных архивов впервые вводятся в научный оборот. Специфика темы и ее источниковое обеспечение обусловили использование реконструктивного, историко-генетического и сравнительно-исторического методов. Исследование и охрана природных богатств

рассматривается в контексте как перспективных, так и насущных задач воюющей страны, в тесной связи с предшествующими практиками.

Обсуждение

Проблема рационального использования богатейшего природного потенциала России, в частности, российского Юга, принадлежит к числу «вечных». Ее отдельные аспекты актуализировались в связи с конкретными задачами государства, циркулирующими в обществе идеями.

К решению разнообразных проблем природопользования традиционно привлекались сотрудники высших учебных заведений, опытных станций, ботанических садов, члены региональных отделений научных обществ (Императорского русского географического общества – ИРГО, Императорского русского технического общества – ИРТО, медицинских объединений), горных клубов, краеведческих организаций.

Буквально накануне войны обсуждалась проблема рационального использования природных богатств в связи с курсом на оптимизацию функционирования рекреационных территорий. В зоне повышенного внимания оказался Юг России. В 1911 г. в Петербурге было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом, одним из первых шагов которого стала выставка «Русская Ривьера» (1913–1914 гг.). С 8 по 17 ноября 1913 г. в рамках выставки работал съезд деятелей Черноморского побережья Кавказа. В 1912 году в Тифлисе возник Главный комитет поощрения туризма на Кавказе с многочисленными представительствами. На XIII (оказавшемся последним) съезде русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе в июне 1913 г. значительная часть докладов была посвящена освоению природных ресурсов Кавказа.

Сравнительно новой темой в рамках природопользования стала охрана природы. Природоохранные публикации известных ученых – И.П. Бородина, Д.Н. Анучина, В.В. Докучаева, Г.А. Кожевникова, А.П. Семенова-Тян-Шанского, краеведов, писателей, общественных деятелей, международных съезды (VIII Международный зоологический конгресс (1910 г.), Конференции по международной охране природы (1913 г.)) способствовали постепенному формированию представлений о негативных последствиях потребительской ориентации общества. В результате инициатив «снизу» стали возникать охраняемые природные зоны. На Юге это были участки степи в низовьях Днепра в поместье Ф.Э. Фальц-Фейна Аскания-Нова, в области Войска Донского у Персияновки (участок находился в ведении Донского политехнического института). Заповедными объявлялись реликтовые рощи эльдарской и пицундской сосны, Лагодехское ущелье и др.

С 1909 г. Академия наук создала Межведомственную комиссию, наметившую территорию Кавказского государственного заповедника, однако процесс его создания растянулся на годы.

В марте 1912 г. была основана Постоянная природоохранительная комиссия при ИРГО; практически сразу возникли аналогичные структуры при региональных отделениях Общества. Сотрудник Тифлиского ботанического сада Д.И. Сосновский, ранее обосновавший уникальность Лагодехского ущелья как заповедной зоны, в многократно перепечатанной позже статье «Охрана памятников на Кавказе» отмечал, что «вопрос об охране памятников природы, который за короткое время сделался в Западной Европе одним из наиболее животрепещущих вопросов, мало по малу перебрался к нам в Россию и начинает здесь постепенно приобретать права гражданства». Сосновский перечислил имеющиеся и перспективные объекты охраны. В числе последних – роща Крымской сосны близ села Архипо–Осиповка Черноморской губернии, заросли Царственного папоротника близ Адлера [3].

24 апреля 1914 г. Николай II подписал закон о санитарной и горной охране лечебных местностей, еще более заостривший внимание общества на проблеме природопользования в курортных зонах.

Начало войны привело к необходимости быстрой перестройки стратегически важных отраслей с опорой на собственные силы и ресурсы. Государство взяло на себя роль координатора деятельности исследовательских учреждений, работавших на оборону. Для этого были учреждены Особое совещание по обороне государства при военном министре, Центральный военно-промышленный комитет во главе с А.И. Гучковым и Химический комитет, созданный на основе Комиссии по производству взрывчатых веществ при Главном артиллерийском управлении. Впервые появившееся в России как самостоятельная структура Министерство земледелия (октябрь 1915 г.) было призвано способствовать постановке работы различных отраслей сельского хозяйства, лесоводства и промыслов с учетом последних научных разработок [4]. Деятельность КЕПС, созданной по инициативе Академии наук, предполагала проведение комплексных научных исследований, учет природных ресурсов в масштабах страны. К помощи исследовательским учреждениям привлекались Всероссийские земский и городской Союзы.

Были задействованы силы профессуры высших учебных заведений, в т.ч. Юга, где в годы Первой мировой войны к имеющимся добавились эвакуированные вузы, прежде всего, Варшавский университет, переехавший в Ростов-на-Дону.

Война не прервала плановых исследований природных ресурсов региона, хотя их финансирование нередко урезалось. Геологический комитет и другие учреждения продолжали здесь довоенные проекты и начинали новые. Геологоразведочные работы нередко были связаны с интенсивным дорожным строительством. Так, сотрудником Геологического комитета, знатоком геологии Кавказа С.И. Чарноцким проводились инженерно-геологические изыскания по линии строящейся железной дороги Армавир-Туапсе. Почвы и грунты по этой же линии исследовал С.А. Яковлев.

Основоположник технической петрографии Д.С. Белянкин изучал горные породы проектируемого, но так и не построенного, Архотского тоннеля на предполагаемой трассе железной дороги Тбилиси-Владикавказ [5]. Геологические изыскания участка пути от Сочи до Хосты через Мацесту проводил Н.Н. Яковлев.

Продолжались исследования южных нефтяных месторождений, основные из которых находились, как известно, в районе Баку, Грозного и в Кубанской области. Выдающийся специалист в области нефтехимии И.М. Губкин обследовал северо-западную часть Апшеронского полуострова. К.А. Прокопов на основе детальных геологических съемок оценил значимость Новогрозненского и ряда других нефтяных месторождений. В 1915 г. в печати появились сообщения о находках нефти в Дзонахском районе, по долине реки Аргун, близ села Воздвиженского. Исследуя нефтяные месторождения станиц Ахтырской и Абинской Кубанской области, К.А. Прокопов дал заключение об их перспективности, что отличалось от мнения коллег-предшественников [6].

По заданию Геологического комитета двумя экспедициями исследовались каменноугольные отложения в Баталпашинском отделе Кубанской области. Находки, особенно в районе Малой Лабы и Большого Зеленчука, стимулировали проведение в 1917 г. и в последующие годы детальных изысканий [7].

В рамках гидрологических исследований проводились работы в районе рек Северного Кавказа (Ардона, Уруха, Чегема, низовий Терека и др.), Алханчуртской долины с целью выбора мест, подходящих для водохранилищ [8]. В Ставропольской губернии под руководством известного почвовед С.А. Захарова и А.П. Иванова решалась проблема водоснабжения региона. Партия Крымских водных изысканий Отдела земельных улучшений Министерства земледелия исследовала горную часть полуострова.

Экспедиции по поиску полезных ископаемых с целью поставки сырья заводам Главного артиллерийского управления, располагавшимся на Юге, инициировались местными администрациями. Отметим, что участники данных экспедиций были хорошо осведомлены об исследованиях Геологического комитета, КЕПС и т.д. Ведь отчеты об их деятельности оперативно публиковались и аккуратно рассылались в провинцию. Аналогично поступали высшие учебные заведения и научные общества регионов. Это подтверждается обилием почтовых карточек с просьбами о присылке и подтверждениями о получении изданий в соответствующих архивных фондах, ссылками на новейшие отечественные труды, в том числе и региональные, в научных изданиях военных лет.

Ведущим специалистам в естественнонаучной области Юга России поручали составлять сводные аналитические обзоры. По заданию КЕПС профессор Донского политехнического института П.П. Сущинский написал «Очерк месторождений вольфрамов и оловянных руд в России». 12 ноября 1915 г. он сообщил ученому секретарю Комиссии А.Е. Ферсману, что заканчивает данный труд [9], а уже в 1916 г. иллюстрированная брошюра была издана в Петрограде.

Инициатива проявлялась и «снизу», о чем свидетельствует многочисленные письма в КЕПС из регионов. Одно из них – В.И. Вернадскому от профессора Донского политехнического института, местного уроженца Н.М. Абрамова, датированное 27.11.1915 г.: «Узнав из газет об организации под Вашим председательством Комиссии по изучению естественных производительных сил России и живо интересуясь этим, прошу <...> поставить в известность о целях и задачах. <...> Отдельной посылкой посылаю добытые данные о свойствах южнорусских естественных каменных материалов» [10].

Практически в каждой области и губернии Юга создавались новые научно-исследовательские структуры или подразделения имеющихся организаций, направленные на оптимизацию использования природных ресурсов. Приведем примеры, касающиеся Кубанской области. Кубанское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, действовавшее с 1912 г., выступило инициатором объединения «прогрессивных сил Кубани стремившихся найти выход из критического положения экономики края в годы Первой мировой войны». В 1915 г. Общество приняло решение об учреждении почвенного и метеорологического комитетов. Перед первым была поставлена задача по созданию почвенной карты области, а перед вторым – устройство самостоятельной метеорологической сети [11]. В Обществе любителей изучения Кубанской области накануне войны появилась секция любителей природы. В годы войны начали работать комиссии секции – экскурсионная, геологическая, ботаническая, зоологическая, по изучению водоемов [12].

Проблемы природопользования активно обсуждались в Ставропольском обществе для изучения Северо-Кавказского края в естественноисторическом, географическом и антропологическом

отношении, Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы, Новороссийском обществе естествоиспытателей (Одесса) и др.

Юг России представлялся перспективным с точки зрения обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем и медикаментами. Колоссальный дефицит взрывчатки преодолевался путем создания в рекордно короткие сроки многочисленных заводов. Основу для изготовления тротила – толуол – с 1915 г. стали производить из сырой нефти в Баку. КЕПС и Военно-химический комитет обсуждали возможности использования в стратегических целях майкопской нефти.

Руководство санитарной и эвакуационной части русской армии, Общество Красного креста и другие организации озадачивали ученых и предпринимателей на предмет добычи йода. Ведь собственного производства в России не было; импорт до войны шел в основном из Германии. В разных регионах страны начали проводиться опыты: исследовались йодсодержащие водоросли омывающих Россию морей, воды сборных канав, идущих от нефтяных промыслов Баку, грязи сопок и соляных озер. В Екатеринославе под руководством профессора Горного института Л.В. Писаржевского был получен йод из черноморских водорослей; в 1915 г. в городе начал работать первый в России завод по производству йода. На Севере налаживалось промышленное производство йода из беломорских водорослей.

В фондах Редакционного комитета КЕПС сохранился один из документов, касающихся перспектив добычи йода на Юге – доклад 1915 г. приват-доцента Дыбского и студента Григоровича «Йод на Керченском и Таманском полуостровах» с подробным описанием грязевых вулканов на косе Чушка, мысе Малые Пеклы, у Бугазского гирла (40 верст западнее Анапы), вулканов «Синяя балка», «Цимбалы» у станицы Ахтанизовской и др. По мнению составителей доклада, гора Гнилая у Темрюка «может служить для лечебных целей, для получения чистого йода» [13]. Копия доклада была отправлена академику В.И. Вернадскому по его просьбе.

С 1916 г. на этой же территории работала комиссия в составе академика Н.И. Андрусова, профессора (будущего академика) А.Е. Ферсмана, химика, основоположник науки о грязевых вулканах Э.А. Штебера. Выяснялась возможность добычи бора, йода и серы [14].

В 1916 г. отдельным оттиском «Известий Академии наук» вышло исследование химика В.Н. Бекетова «Йод, бром и борная кислота в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове».

В годы войны на медицинских съездах (Пироговского общества врачей, санитарных отделов Военно-промышленных комитетов) активно обсуждались лекарственные возможности растительного сырья, перспективы сбора дикорастущих лекарственных растений и плановые посадки наиболее перспективных из них. К разведению лекарственных растений призывало и Министерство земледелия. На эту тему публиковались научные и научно-популярные труды. Соответствующие работы велись в ботанических садах – Никитском, Тифлисском, Батумском, на опытных станциях, в т.ч. Сочинской сельскохозяйственной и Гагринской климатической.

Член-корреспондент Академии наук, директор Никитского ботанического сада Н.И. Кузнецов полагал, что в Крыму, прежде всего, нужно разводить белладонну (для атропина), белену и дурман. Важной представлялась и группа растений, дающих эфирные масла – лаванда, розмарин, рута, шалфей, Melissa. Ученый писал: «Южный берег Крыма, одевшись серебристыми рощами маслин, плантациями растений, дающих эфирные масла, шафранниками, белладонниками, чередующимися с виноградниками и табачными плантациями на новых местах, – будет иметь тот культурный хозяйственный вид, которого ему так не достает до сих пор» [15].

В Кубанской области в 1916–1917 гг. был организован сев клещевины (основы для производства медицинского касторового масла), сбор лекарственных растений, открылись питомники при Кубанской сельскохозяйственной опытной станции, при четырех опытно-показательных хозяйствах области – в станицах Славянской и Уманской, Майкопском и Лабинском отделах [16].

В ликвидации дефицита дубильных веществ, жизненно важных для кожевенной промышленности, большую роль сыграла Научно-техническая комиссия по исследованию дубильных материалов Кавказа при Закавказском комитете Всероссийского земского союза [17]. Самое активное участие в ее работе приняли ботаники Тифлисского ботанического сада П.И. Мищенко, Н.А. Максимов, В.М. Савич. Последний возглавил построенный в короткие сроки завод дубильных экстрактов в Майкопе.

Изучение флоры (и фауны) не всегда было жестко привязано к насущным потребностям воюющей страны. Ученым предоставлялись финансовые и организационные возможности продолжения прежних исследований.

В 1916 г. Общество естествоиспытателей при Варшавском университете обратилось к губернатору Черноморской губернии с просьбой оказания содействия и выдаче «открытого листа на взимание при разездах земских лошадей» В.Ф. Хмелевскому, командируемому в Черноморскую губернию «для флористических исследований и для сборов ботанических коллекций» [18]. Заметим, что Хмелевского к тому времени хорошо знали в регионе как знатока природы Красной Поляны. Профессор того же университета А.Н. Бартнев, ранее изучавший стрекоз Сибири и Урала, был командирован в Нальчик для изучения местных стрекоз [19].

Ботанические экспедиции направлялись на турецкие территории, занятые русской армией. Экстраординарный профессор Женского медицинского института А.С. Гинзберг сообщал в

Министерство народного просвещения, что «за время двукратного пребывания на Черноморском побережье и ознакомлением с условиями культуры лекарственных и иных полезных растений» им был обследован берег до Батума; следующими целями были Зачорохский край и Трапезунд [20]. Растительность (нагорья, суходольные и сырые луга, солончаки и редкие лесные насаждения) Турецкой Армении исследовались по заданию Переселенческого управления Министерства земледелия экспедицией под руководством известного ботаника и географа, профессора Томского университета В.В. Сапожникова (1916 г.). По распоряжению командующего Кавказской армией Н.Н. Юденича экспедиции были предоставлены лошади, арбы и охрана. Территория исследования во время военных действий практически обезлюдела, некого было спросить о характере земледелия. Пахотные поля не были засеяны и заросли сорняком. Многочисленные группы животных несли угрозу инфекционных заболеваний. Несмотря на это, ученым «удалось познакомиться с типичными насаждениями Армении и собрать порядочные коллекции» [21].

Толчком к интенсивному исследованию целебных вод и грязей стало превращение южных территорий в госпитальную базу и продолжавшийся (даже интенсифицировавшийся в годы войны) курс на развитие курортов. По инициативе Медицинского совета Министерства внутренних дел 7–11 января 1915 г. в Петрограде был проведен I Всероссийский съезд по улучшению отечественных лечебных местностей. Труды Съезда были опубликованы «по горячим следам». Появилось Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей с многочисленными провинциальными отделами. В мае 1915 г. возникло Кавказское общество содействия развитию лечебных мест. В мае 1917 г. состоялся I съезд по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе.

Как в ранее издававшихся, так и в новых («Целебные силы России», «Целебный Кавказ», «Русская Ривьера») журналах печаталась информация о минеральных источниках и, в целом, о природных ресурсах Юга. В виде брошюр выходили оттиски наиболее ценных журнальных статей. Одно из свидетельств публикационной активности военных лет – солидная выставка новейшей литературы, сформированная в процессе подготовки I съезда по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе [22].

С довоенных времен исследования минеральных источников на Юге России проводили специалисты Геологического комитета, химики, геологи, гидрологи региональных организаций. Большую активность проявляли ученые Новороссийского университета и Одесского отделения ИРТО, где молодым химиком Е.С. Бурксером в 1910 г. была создана первая в России радиологическая лаборатория.

В годы войны поиск, исследование и учет минеральных источников Кавказа и Крыма продолжались достаточно интенсивно. Министерство внутренних дел циркуляром от 18 сентября 1915 г. предложило губернаторам «в заботах о наилучшем использовании лечебных местностей» привлечь к этому делу органы местного самоуправления. Им надлежало предоставить полную информацию о казенных землях вокруг источников минеральных вод, грязевых озер, мест купаний и т.д. на предмет постройки там сооружений [23].

В архивном фонде Новороссийского университета, в деле о разрешении отпусков служащим университета в 1916 г. имеется документ от Попечителя Одесского учебного округа на имя ректора с согласим «на выдачу профессору Стадникову 300 рублей из специальных университетских средств для покрытия расходов по поездке на Кавказ для исследования грязей Кубанской области по поручению Его Императорского Высочества Принца Ольденбургского» [24] (верховного начальника санитарной и эвакуационной части). Соответствующее донесение было направлено Попечителем в Министерство народного просвещения [25].

В разведке новых источников на Кавказских Минеральных Водах и в районе Мацесты деятельное участие принимал выдающийся исследователь А.Н. Огильви. Горным инженером и гидрологом Н.Н. Славяновым, ранее обнаружившим множество источников, в Железноводске в рамках экспедиции 1916 г. на северном склоне Железной горы был открыт новый, получивший название Славяновский.

Е.С. Бурксер из Одессы сообщал В.И. Вернадскому об исследованиях в 1915 г. грязевых озер в Бессарабии, Таврической губернии, Кубанской области, а также минеральных вод, включая группы Горячего Ключа и источники у подножья Эльбруса [26]. С 1916 г. письма Бурксера написаны на бланке того же Одесского отделения ИРТО, но вместо надписи «Химический отдел, радиологическая лаборатория» появляется следующая – «Лаборатория экспедиции для исследования радиоактивности и физико-химических свойств источников и лечебных грязей Юга России» [27].

Группа столичных ученых во главе с Г.В. Вульфом в 1915 и 1916 гг. проводила исследования соляных озер Западной и Юго-Западной части Ставропольской губернии, выясняя их пригодность для лечебно-курортных целей.

Интерес к разработке минеральных вод и грязей стимулировал активность разного рода организаций в плане строительства путей сообщения, сооружений. Составители дважды изданной в 1915 г. в Петрограде брошюры «Владикавказская железная дорога и лечебные местности» ориентировали читателей на то, что интенсивное железнодорожное строительство сделает российские курорты не менее привлекательными, чем зарубежные.

Создавались проекты благоустройства отдельных «точек». В 1915 г. в процессе очередного обследования Суджукской лагуны, расположенной к югу от Новороссийска, были отмечены ее высокие бальнеологические свойства. Гласный городской думы Новороссийска И.Ф. Басов выступил на I Всероссийском съезде по улучшению отечественных лечебных местностей и в прессе с предложением создать около озера грязе-свето-водолечебницу, гостиницу, бараки для военных, провести водопровод к озеру и Мысхаковскому берегу. Попутно было высказано мнение о необходимости соединить трамваем через город близлежащие территории – Широкою Балку и Кабардинку [28]. В докладе доктора В.С. Милошевского – представителя от Новороссийска на I съезде по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе – предлагался проект курорта-сада возле Суджукского озера. С помощью правительственных субсидий уже в ближайшее время гарантировалось грязелечение раненых воинов [29]. Идеи эти так и остались на бумаге. Инфраструктурные предложения регулярно обосновывались в периодических изданиях, прошениях во всевозможные инстанции.

Проблема охраны природы в условиях войны неизбежно отошла на второй план, хотя затрагивались учеными, общественными деятелями, официальными лицами в связи с вопросами рационального природопользования, образовательными задачами. Попечитель Одесского учебного округа просил министра народного просвещения обратить внимание на заповедник Ф.Э. Фальц-Фейна Аскания Нова. До войны он ежегодно привлекал более 10000 человек, в 1915 г. там было менее 1000 посетителей, а в следующем году (по состоянию на 1 августа) – 1148, в т.ч. 24 группы учащихся в составе 665 человек. Содержание заповедника и готовность Ф.Э. Фальц-Фейна содействовать учебным заведениям (передавать в их музеи скелеты и чучела диких животных), по мнению автора записки, были достойны «поощрительной благодарности» [30].

В 1917 г. Новороссийское и Бессарабское общества естествоиспытателей совместно с Крымско-Кавказским горным клубом, Южнорусским энтомологическим обществом разработали текст обращения к учреждениям Временного правительства для представления в Учредительное собрание. Речь шла об охране памятников южнорусской природы «путем объявления их национальной собственностью». Особое внимание обращалось на защиту заповедника Аскания Нова [31].

Продолжалась работа по выработке концепции отечественных заповедных зон. Непосредственно перед Февральской революцией в Забайкальской области основали государственный Баргузинский соболиный заповедник. Весной 1917 г. на месте царского заказника создается Национальный заповедник в Крыму.

Было разработано положение о Кавказском государственном заповеднике «для сохранения на вечные времена в первобытной неприкосновенности местной природы с ее представителями растительного и животного царства, особенно зубров». Подчеркивалось, что территория заповедника станет «неотчуждаемой собственностью государства». В Комитет Кавказского заповедника при Академии наук должны были войти 3 академика – зоолог, ботаник и географ, представители научных обществ. В штате заповедника, помимо четырех научных сотрудников, предполагалось иметь 64 стража [32].

В записке географа, члена КЕПС от Русского географического общества В. Семенова-Тян-Шанского «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» (2.10.1917 г.) обосновывалась необходимость основания в России не менее 46 национальных парков, в т.ч. в Европейской России с Крымом – не менее 22, на Кавказе – не менее 4 (имелись ввиду горнолесные заповедники Кубанский, Дагестанский, Лагодехский, Черноморский). Охраняемые природные территории должны были быть объявлены национальными парками [33].

Заключение

Как видим, годы Первой мировой войны стали временем достаточно интенсивного исследования природных ресурсов Юга России. В регионе продолжались довоенные проекты и начали реализовываться новые, которые можно рассматривать как ответы на вызовы войны. Активное исследование минеральных источников было связано с формированием госпитальной базы, расширением и благоустройством рекреационной территории на Юге. Даже в экстремальных военных условиях шла подготовка к созданию охраняемых природных зон.

Дальнейшие события несколько затормозили осуществление намеченных планов, но в целом, не изменили подходов к исследованию и охране природных ресурсов. На Юге, как и в столицах, интенсивная научная и организационная деятельность в условиях войны стимулировала создание новых научно-исследовательских структур, таких, например, как Совет исследования и изучения Кубанского края, а также высших учебных заведений. В период «деникинщины» рекреационные и экологические идеи 1914-1917 гг. развивались Комитетом по устройству Черноморского побережья. Во врангелевском Крыму по инициативе В.И. Вернадского была основана и развернула активную деятельность КЕПС Крыма. В советской период руководители партии и государства использовали знания и опыт организаторов и непосредственных исполнителей как «мобилизационных», так и рассчитанных на перспективу проектов периода Первой мировой войны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00018.

Примечания:

1. Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб.: Наука, 1999. 184 с.
2. См. напр.: Черкасов А.А. Центр и окраины: Сочи в период царствования Николая II. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. 242 с.
3. Сосновский Д.И. Охрана памятников на Кавказе // Бюллетень Общества любителей изучения Кубанской области. 1914. №1. С. 15-18.
4. Колчинский Э. И. Первая мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / отв. ред. Э. И. Колчинский и Д. Байрау; ред.-сост. Ю. А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 17.
5. Белянкин Д.С. К петрографии Архотского тоннеля. СПб, 1914. 24 с.
6. Прокопов К.А. О некоторых нефтяных месторождениях Кубанской области // Поверхность и недра. 1917. №2-3 (11-12). С. 116-119.
7. Робинсон В.Н. Краткий географический очерк месторождений ископаемых углей каменноугольной системы в Кубанском крае. Краснодар, 1922. 15 с.
8. Геологическая изученность СССР. Т. 19. Северный Кавказ. Период 1800-1917. Вып. 1. Опубликованные работы. Нальчик, 1973. С. 295.
9. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – ПФА РАН). Ф. 132. Оп. 1. Д. 113. Л. 28.
10. ПФА РАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 113. Л. 36.
11. Бридня О.П. Работа Кубанского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в годы Первой мировой войны // Российское общество и войны XX века: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 24.
12. В ОЛИКО // Кубанская мысль. 1915. 24 октября. С. 3.
13. ПФА РАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 113. Л. 65-73.
14. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 55. Л. 8, 128.
15. Кузнецов Н.И. Ближайшие задачи культуры и сбора лекарственных растений на южном берегу Крыма. Ялта, 1917. С. 27.
16. Говорков Н. Секция лекарственных растений // Известия Совета обследования и изучения Кубанского края. Вып. 5. Екатеринодар, 1918. С. 105.
17. Федотова А.А. Российские ботанико-географы в годы «Второй Отечественной» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 375-377.
18. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 437. Л. 101.
19. Государственный архив Ростовской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 85 Л. 93.
20. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 598. Л. 156.
21. Сапожников В.В. Растительность Турецкой Армении. Исследование 1916 г. Томск, 1917. С. II-III.
22. ГАКК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 385. Л. 42 – 48.
23. Циркуляр о лечебных местностях // Целебный Кавказ. 1915. №1-2. С. 55.
24. Государственный архив Одесской области. Ф. 42. Оп. 35. Д. 681. Л. 11.
25. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 598. Л. 52.
26. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 209. Л. 17.
27. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 209. Л. 19а.
28. Басов И.Ф. Новороссийские лечебные местности // Русская Ривьера. 1915. №3-4. С. 43-48.
29. Отчет о работах I съезде по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе // Целебный Кавказ. 1917. №2. С. 34.
30. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 552. Л. 247.
31. Записки Новороссийского общества Естествоиспытателей. Т. 42. Одесса, 1918. С. 4.
31. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 2-4.
32. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 14-20.

References:

1. Kol'tsov, A.V. The creation and activities of the Commission for the study of natural productive forces of Russia. 1915–1930. SPb.: Nauka, 1999. 184 p. (in Russian).
2. See for example: Cherkasov, A.A. Center and margin: Sochi during the reign of Nicholas II. Sochi: RIO SGUTiKD, 2009. 242 p. (in Russian).
3. Sosnovskij, D.I. Conservation of monuments in the Caucasus // Bulletin of the society of buffs of the study of the Kuban region. 1914. №1. P. 15-18 (in Russian).
4. Kolchinskij, E.I. The First World War and some vectors of the transformation of science in Germany and Russia // Science, technology and society in Russia and Germany during the First World War / E.I. Kolchinskij, D. Bajrau, Yu. A. Lajus (eds). SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. P. 17 (in Russian).
5. Belyankin, D.S. About the petrography of Arkhotky tunnel. SPb., 1914. 24 p. (in Russian).

6. Prokopov, K.A. Some oil fields of the Kuban region // The surface and subsoil 1917. №2-3 (11-12). P. 116-119 (in Russian).
7. Robinson, V.N. A brief geographical essay on deposits of fossil coals of the Carboniferous system in the Kuban region. Krasnodar, 1922. 15 p. (in Russian).
8. Geological studies of the USSR. Vol. 19. The North Caucasus. 1800–1917. Issue 1. Published works. Nal'chik, 1973. P. 295 (in Russian).
9. St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (hereinafter – PFA RAN). F. 132. Op. 1. D. 113. L. 28.
10. PFA RAN. F. 132. Op. 1. D. 113. L. 36.
11. Bridnya, O.P. The work of the Kuban society of agriculture and agricultural industry during the First World War // the Russian society and war in the twentieth century: materials of scientific-practical conference. Krasnodar, 2004. P. 24 (in Russian).
12. In OLIKO // Kuban Thought. 1915. October, 24 (in Russian).
13. PFA RAN. F. 132. Op. 1. D. 113. L. 65-73.
14. State Archives of the Krasnodar Region (hereinafter – GAKK). F. R-9. Op. 2. D. 55. L. 8, 128.
15. Kuznecov, N.I. The next tasks in the culture and collection of medicinal plants on the southern coast of Crimea. Yalta, 1917. P. 27 (in Russian).
16. Govorkov, N. Section of medicinal plants // Herald of the Board of research and study of the Kuban region. Vol. 5. Ekaterinodar, 1918. P. 105 (in Russian).
17. Fedotova, A.A. Russian phytogeographers during the “Second Patriotic War” // Science, technology and society in Russia and Germany during the First World War. P. 375-377 (in Russian).
18. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 437. L. 101.
19. State Archives of the Rostov region. F. 527. Op. 1. D. 85. L. 93.
20. Russian State Historical Archives (hereinafter – RGIA). F. 733. Op. 156. D. 598 L. 156.
21. Sapozhnikov, V.V. Flora of Turkish Armenia. The study of 1916. Tomsk, 1917. P. II-III (in Russian).
22. GAKK. F. 427. Op. 1. D. 385. L. 42–48.
23. Circular of therapeutic areas // Healthful Caucasus. 1915. №1–2. P. 55 (in Russian).
24. The State Archives of Odessa region. F. 42. Op. 35. D. 681. L. 11.
25. RGIA. F. 733 Op. 156. D. 598. L. 52.
26. The archives of the Russian Academy of Sciences (hereinafter – ARAN). F. 518. Op. 3. D. 209. L. 17.
27. ARAN. F. 518. Op. 3. D. 209. L. 19a.
28. Basov, I.F. Novorossiysk therapeutic areas // Russian Riviera. 1915. №3-4. P. 43-48 (in Russian).
29. Report on the work of the first Congress of the landscaping and improvement healthful places in the Caucasus // Healthful Caucasus. 1917. №2. P. 34 (in Russian).
30. RGIA. F. 733 Op. 156. D. 552. L. 247.
31. Notes of Novorossiysk society of Naturalists. Vol. 42. Odessa, 1918. P. 4 (in Russian).
31. RGIA. F. 733. Op. 156. D. 392. L. 2-4.
32. RGIA. F. 733. Op. 156. D. 392. L. 14-20.

УДК 93/94«1914/1918»

Исследование и охрана природных ресурсов Юга России в годы Первой мировой войны

Анна Натановна Еремеева

НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал, Российская Федерация
350063, Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 28
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: eranna2000@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов центральных и региональных архивов, периодической печати, малоизвестных научных и научно-популярных работ 1914–1917 гг. анализируются основные направления в исследовании и охране природных ресурсов Юга России в условиях Первой мировой войны. Автор рассмотрела как продолжавшиеся, так и новые проекты, возникшие в ответ на вызовы войны, деятельность государственных и общественных структур в области «мобилизации» науки. Отмечена тесная связь многих исследовательских инициатив 1914–1917 гг. с развитием рекреационной зоны на Юге России.

Ключевые слова: Первая мировая война; Юг России; исследование природных ресурсов; «мобилизация» науки; охрана природы.